

И. В. ГОЛОВАЧЕВА

**ПУТЕВОДИТЕЛЬ
ПО "ДИВНОМУ НОВОМУ МИРУ"
И ВОКРУГ**

2-е издание

Издательский Дом ЯСК
Языки славянской культуры
Москва 2017

УДК 82.821.111
ББК 83.3(4)
Г 61

Головачева И. В.

Г 61 Путеводитель по «Дивному новому миру» и вокруг. — 2-е изд. — М.: Издательский Дом ЯСК: Языки славянской культуры, 2017. — 344 с., ил. — (Вклейка после с. 256.)

ISBN 978-5-94457-318-6

Книга представляет собой психобиографический, историко-культурный и литературоведческий комментарий к самой известной утопии XX в. — романа Олдоса Хаксли «Дивный новый мир» (1932). Футуристический текст Хаксли, в отличие от гораздо более радикального и однонаправленного романа Джорджа Оруэлла «1984», — концентрированное выражение духа модерности, логичное художественное подведение итогов проекта Просвещения.

Это первая русскоязычная монография, предлагающая всесторонние комментарии, проясняющие подтексты и контексты этого в высшей степени двусмысленного и жанрово-двойственного романа, а также других, связанных с ним, текстов Хаксли. В книге подробно освещен «роман писателя с наукой», тот взаимообмен идеями, который существовал между ним и его научным окружением. Особое внимание уделено психологическим, биографическим источникам фобий и неврозов писателя, обусловивших его восприятие исторических событий, научных концепций и их применения. «Дивный новый мир», как и другие утопии Хаксли, рассматривается, в частности, как сеансы терапии творчеством, как способ, позволивший ему составить непротиворечивую картину современного мира и разобраться с одолевавшими самого писателя кошмарами.

УДК 82.821.111
ББК 83.3(4)

ISBN 978-5-94457-318-6

9 785944 573186 >

© И. В. Головачева, 2017
© Издательский Дом ЯСК, 2017
© Языки славянской культуры, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

Благодарности	5
Введение	7
Глава I. Безумный мир и остров гармонии.....	19
1. Невротические комплексы	19
2. Политика как биография: война, революция и снова война	34
Первый шок: Великая война	34
Второй шок: Русская революция	45
Бегство от грядущей войны в Дивный новый мир: Хаксли и Америка	59
Глава II. Неудобные вопросы о романе «Дивный новый мир»	78
1. Цивилизация или примитив.....	83
2. Хаксли и наука	102
3. Неопаловское обусловливание и гипнопедия	115
4. Отец наш, Фрейд!.....	121
5. Сомы грамм — и нету драм?	133
6. Человеческий инкубатор: эволюция и утопия	159
Протоевгенисты	159
Мальтузианский пояс	161
Предопределение.....	172
Предтечи Дивного нового мира. Уэллс и анти-Уэллс.....	175
«Одинаковость»: евгеника, расы, касты	184

СОДЕРЖАНИЕ

Великая депрессия: естественное неравенство или девяносто шесть тождественных близнецов.....	195
Мёллер, братья Хаксли и СССР	205
«Неужели мы глупеем?».....	210
Биоэтика.....	223
7. Наконец-то о жанре	237
Хаксли и две культуры.....	238
Чем, по теории О. Хаксли, литература может оказаться полезной науке?	244
Научная фантастика.....	247
И все же утопия.....	254
Глава III. Альтернативные миры.....	263
1. Кошмарный новый мир: постапокалиптический роман Хаксли.....	263
2. Еще раз об «Острове»	275
Заключение.....	299
Библиография.....	302
Перечень опубликованных работ автора, частично или полностью использованных в этой книге.....	325
Именной указатель	329

БЛАГОДАРНОСТИ

Прежде всего я выражаю глубокую благодарность моим коллегам, членам Aldous Huxley Society, за консультации, практическую и моральную поддержку, которую они оказывают мне с момента моего вступления в это научное и дружеское сообщество в 2003 г. Особые слова искренней признательности я обращаю профессорам Бернфриду Нугелю (Университет Мюнстера), Дэвиду К. Данауэю (Университет Нью-Мексико), Джоан Уайнз (Калифорнийский лютеранский университет). Я благодарна всем редакторам и рецензентам моих публикаций в Aldous Huxley Annual и в сборниках трудов конференций, а также неутомимым организаторам симпозиумов, посвященных Хаксли и его эпохе (в Риге, Оксфорде и Альмерии). Я признательна Санкт-Петербургскому государственному университету за предоставленные мне гранты на участие в этих научных событиях.

Работая над этой, второй, книгой об Олдосе Хаксли, я продолжала пользоваться результатами моих американских штудий, которые стали возможны благодаря Фонду Фулбрайта и Фонду Флетчера Джонса (Huntington Library), предоставившим мне гранты на исследования жизни и творчества писателя в библиотеках и архивах США в 2003–2004 гг.

Я выражаю благодарность «Издательскому Дому ЯСК» за интерес к моей работе и лично Г. В. Бондаренко за понимание трудностей работы автора. Я благодарю Российский фонд фундаментальных исследований за предоставление гранта на создание и публикацию этой монографии.

Эта книга не была бы полной без иллюстраций. Особые слова признательности я обращаю в адрес моего коллеги по Aldous Huxley Society Питеру Вуду (Peter Wood) за разрешение опубликовать фотографию О. Хаксли в нью-йоркском отеле. Не менее ценны фотографии, на которых запечатлены моменты из студенческого периода

БЛАГОДАРНОСТИ

жизни писателя. Право публиковать снимки, принадлежащие архивам Оксфордского университета, предоставил Колледж Баллиол (The Masters and Fellows of Balliol College, Oxford). Я также получила поддержку и одобрение хранителей-правообладателей наследия Олдоса Хаксли (the trustees of the Aldous and Laura Huxley Literary Trust).

Появлению некоторых разделов этой книги способствовали трудные вопросы, заданные моими друзьями и коллегами, особенно Ксаной Бланк (Принстонский университет), Ольгой Пановой (МГУ им. М. В. Ломоносова) и Александрой Ураковой (ИМЛИ РАН). Для меня было ценным одобрение со стороны Натальи Грякаловой (ИРЛИ РАН, Пушкинский Дом) и Константина Азадовского, члена-корреспондента Германской академии языка и литературы (Дармштадт).

Неизменную интеллектуальную и эмоциональную помощь оказывали мои близкие — Михаил Журавлев, Татьяна Черниговская и Екатерина Григорьева.

ВВЕДЕНИЕ

Предлагаемый читателю «Путеводитель по “Дивному новому миру” и вокруг» задуман как историко-культурный и литературоведческий комментарий не только к самой известной утопии XX в. — роману Олдоса Хаксли «Дивный новый мир» (*Brave New World*, 1932), но и связанным с ней текстам этого писателя. Такой расширенный подход вызван наличием многочисленных отдельных «миров», сфер бытия и сознания, которые писатель включил в свой тщательно выстроенный романский мир, где ничто в государственном, бытовом и ментальном устройстве социума и индивидуума не было им проигнорировано. «Расширенная оптика» понадобилась мне, чтобы дать читателю объемное видение того, из каких источников возник роман, какие горизонты автор открыл миру и какое продолжение он получил в других художественных текстах и нон-фикшн Хаксли. Поскольку автор продолжал размышлять на те же темы до конца жизни, о чем свидетельствует его книга «Возвращение в дивный новый мир» (*Brave New World Revisited*, 1958), с нашей стороны, было бы упущением остановить рассказ на 1932 г., когда увидела свет его первая утопия. Олдос Хаксли не ограничился одной фантазией о будущем. И, несмотря на то, что «Дивный новый мир», который по-прежнему является бестселлером, — это центральный сюжет моей книги, я полагаю, что не меньший интерес вызывают у читателя и два других романа Хаксли — язвительная постапокалиптическая «Обезьяна и сущность» (*Ape and Essence*, 1947) и полный надежд на выздоровление человечества «Остров» (*Island*, 1962).

Литературная фигура Олдоса Хаксли несет на себе отчетливые отпечатки почти всего, что было характерно для двух эпох.

Первая эпоха: межвоенные десятилетия с присущим им нигилизмом, духом модерности, началом краха проекта Просвещения, Великой депрессией и очарованием тоталитаризмом. Хаксли был одним из

ВВЕДЕНИЕ

немногих деятелей культуры на Западе, кто не поддался чарам советской пропаганды. Он усматривал именно в российском коммунизме непростительный идеализм и называл большевиков недальновидными романтиками, убежденными в том, что человек — лишь общественное животное, которое путем дрессировки можно превратить в идеальную машину. О. Хаксли относится к тем западным интеллектуалам 1920—1930-х гг., которые считали идеи равенства и отмены частной собственности опасными выдумками. Тогда писатель не находил никаких практических обоснований эгалитаристским убеждениям и полагал, как и, например, Герберт Уэллс, что мудрое правление может осуществляться лишь интеллектуальной аристократией с предоставлением избирательного права только тем, кто успешно прошел тестирование уровня своего умственного развития.

Вторая эпоха: 1950-е и начало 1960-х гг. — постъядерное время, предшествовавшее эре Нью Эйдж (*New Age*). В большей мере, чем любой другой англо-американский писатель, Хаксли выразил устремления Западного Духа, обновленное мироощущение, требовавшее адекватной религиозной философии, которая синтезирует мудрость Востока (йогу, дзен-буддизм, даосизм, махаяна-буддизм) и научный прагматизм Запада. Проповеди Кришнамурти и лекции Алана Уоттса, попытки парапсихологов нащупать «срединный путь», поиск альтернативных способов расширения или исцеления сознания, предпринятый психиатрами, — все это так или иначе присутствует в послевоенных текстах Хаксли, давая нам самое яркое представление о духе времени. Особенно впечатляющим итогом практик и размышлений писателя, пришедшихся на эту, вторую эпоху, стал его заключительный роман «Остров», который, на мой взгляд, можно считать совсем не фантастической, в принципе осуществимой, и самой привлекательной утопией, написанной в XX в.

Олдос Хаксли получил поистине сказочное культурное наследство по двум генеалогическим линиям. Его дед по отцовской линии — великий биолог-эволюционист Томас Генри Гексли (Хаксли, 1825–1895). Дед по материнской линии — великолепный поэт и просветитель Мэтью Арнольд (1822–1888). Наследственность, предоставившая потомку викторианских мэтров выбор из равно привлекательных для него *art* или *science*, возможно, сыграла не последнюю роль в укреплении его решимости этого выбора избежать. Почти

полностью ослепший еще в школьные годы писатель не смог пойти по стопам деда-биолога, он поступил на филологическое (английское) отделение оксфордского колледжа и стал, очевидно бессознательно, стремиться «объять необъятное», то есть каким-то образом соединить научную мысль и литературу.

Сам Хаксли не раз признавался, что не является «подлинным писателем», способным легко придумывать сюжеты и создавать полнокровные убедительные образы. Отказываясь причислить себя к разряду прирожденных подлинных художников слова, Хаксли во все не скромничал. Обладая безукоризненным вкусом (чтобы в этом убедиться, достаточно просто перелистать книжку его путевых заметок «В дороге» (*Along the Road*, 1925) или почитать бесчисленные эссе о музыке, живописи, театре, литературе и прочих предметах, которые он публиковал в журналах *Athenaeum*, *Vanity Fair*, *Weekly Westminster Gazette*), он прекрасно осознавал свое место в литературном пантеоне и никогда не поставил бы себя на одну ступень с Шекспиром, Бальзаком, Стендалем, Диккенсом, Конрадом, Чеховым или Толстым:

Если бы я мог родиться заново и выбрать, кем стать, я бы пожелал стать ученым — и стать им не по воле случая, а по природному предназначению. <...> Единственное, что заставило бы меня усомниться — это художественная гениальность, будь она предложена мне судьбой. Но даже если бы я мог стать Шекспиром, думается, я все равно предпочел бы стать Фарадеем¹.

Всю жизнь Хаксли думал о том, как отдельный человек может избежать ужасов личного и социального бытия, в том числе и ужасов бытия грядущего. Выразил он свои размышления совсем не так, как выдающиеся художники эпохи, не так, как Кафка или Джойс. Сражаясь со страхами, комплексами и неврозами, о которых пойдет речь в Главе I этой книги, Хаксли проявил себя, прежде всего, как интеллект. Серьезно занимаясь восточными религиями и философией, он не удалился в ашрам, не ушел в пустыню или в келью.

¹ *Huxley A. A Night at Pietramala // Complete Essays of Aldous Huxley / Ed. Robert S. Baker and James Sexton. Vol. I. Chicago: Ivan R. Dee, 2000. P. 399.* Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, переводы мои. — *И. Г.*

ВВЕДЕНИЕ

Может быть, поступи писатель таким образом, он бы нашел ответы на вопросы, всю жизнь его занимавшие. Но мир, скорее всего, ничего бы об этом не узнал.

Не будет преувеличением, если мы скажем, что Хаксли писал обо всем на свете. На первый взгляд, Хаксли уделял слишком много (для литератора) внимания психобиологическому аспекту жизни человека. Что он мог знать об этой стороне человеческого бытия? Он не был биологом, как его знаменитые дед и брат (Джулиан стал первым директором ЮНЕСКО). Не был он и психологом, как многие его знакомые. Однако всю жизнь Олдоса Хаксли окружали не только великие писатели, религиозные мыслители, актеры и композиторы (Д. Г. Лоуренс, К. Ишервуд, Т. Манн, Дж. Кришнамурти, Ч. Чаплин, братья Маркс, И. Стравинский и др.), но и многочисленные ученые, которые были в своих областях, несомненно, выдающимися фигурами (Б. Рассел, Дж. Холден, Э. Хаббл, Ф. Перлз, А. Маслоу, К. Роджерс и пр.).

Идеи, над которыми он так напряженно размышлял в течение своей жизни (в разные периоды это были разные области знания, но биология, демография и терапия были его постоянными увлечениями), нашли свое воплощение, к счастью, не только в культурологических или социологических трактатах, но и в его романах.

Научная достоверность и точность, в сущности, находятся за пределами художественности. Однако в том случае, если такой литератор, как Хаксли, стремится достичь не просто правдоподобного, но достоверного изображения придуманного им мира, так или иначе представляющего проекцию современной ему действительности, научная подоплека художественной реальности становится основой эстетического замысла. Ясность и наукообразие художественного проектирования, начиная с 1930-х г., стали, очевидно, одной из важнейших задач автора.

В книге, написанной через 15 лет после «Дивного нового мира», — «Наука, свобода и мир» (*Science, Liberty and Peace*, 1946) — Хаксли изложил свои размышления о тех опасностях, что готовят человечеству практически любые открытия в науке и технике, ибо они приведут лишь к новому, более существенному, имущественному и правовому неравенству во всем мире. Хаксли полагал, что наука оказывает все более существенное влияние на дух, сознание и на абсолютно все

стороны жизни человека и планеты. Следовательно, писатель просто-напросто не может ее игнорировать. Разумеется, это спорная точка зрения. В современной литературе найдется немало литераторов, словно не замечающих того, в каком времени они живут. Но у Хаксли не было ни малейшего сомнения в значительности того места, которое должна занимать наука в современной культуре.

О. Хаксли удалось не столько предвосхитить, сколько достаточно точно *спрогнозировать* многие, если не все, существенные приметы и болевые точки современной жизни индивидуума и социума. Заблуждением является мысль о том, что «Дивный новый мир» — результат уникального прогностического дара, и что Хаксли, обладая талантом прорицателя, просто-напросто предсказал сущностные цивилизационные изменения и сдвиги в сознании. Свою задачу я вижу в том, чтобы доказать, что в значительной степени образность «Дивного нового мира», равно как и «Острова», проистекает, в первую очередь, из осведомленности писателя, его научного мировоззрения.

Можно было бы предположить, что прогнозы Хаксли оказались столь основательными и верными благодаря общению с выдающимися учеными и что Хаксли попросту «подхватывал» новые идеи и исследовал их на уровне, доступном строго мыслящему дилетанту с художественным воображением. Это предположение справедливо лишь отчасти. Не выдающиеся ученые, его корреспонденты, а блестяще образованный дилетант Хаксли часто оказывался первым в постановке проблемы: он первым заговорил о возможностях, которые предоставляют посткапиталистической экономике новые методы репродукции и генной инженерии, он первым начал фантазировать о тех перспективах, что открывают новые психоактивные вещества психотерапевту, мистика, художнику и даже политику.

Идеи, помещенные Хаксли в литературный текст, оказали воздействие не только на неподготовленных читателей, но и на представителей научного мира. И хотя подобный круговорот идей характерен не только для этого романиста, этот феномен особенно ярко высвечивается именно на его примере, потому что, во-первых, Олдос Хаксли близко общался и зачастую сотрудничал с ведущими учеными-естественниками своей эпохи, и, во-вторых, потому что целый ряд научных достижений и прогнозов относительно эволюции человечества стали в дальнейшем соотноситься с его текстами.

ВВЕДЕНИЕ

«Дивный новый мир» именно потому занимает уникальное положение в общем ряду фантастических футурологических произведений, что, с одной стороны, этот роман зиждется на твердом основании из реальных научных достижений, открытий и вполне, как показало время, реалистических прогнозов. С другой стороны, этот текст направил и продолжает направлять читательские ожидания не только в отношении позднейшей прогностической художественной литературы, но и в отношении научного прогресса в целом. Не напиши Хаксли о клонах 86 лет назад, скорее всего, мир не выразил бы столь тревожных подозрений относительно перспектив, открывшихся после рождения-изготовления овечки Долли. Это же справедливо и в отношении «обусловливания», промывания мозгов и химического одурманивания населения.

О верности фантазий О. Хаксли, в отличие от футурологических прогнозов Дж. Оруэлла, говорит и Фрэнсис Фукуяма в главе «Повесть о двух антиутопиях» книги «Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции»²: «Цель нашей книги — утверждение, что Хаксли был прав, что наиболее серьезная угроза, создаваемая современной биотехнологией, — это возможность изменения природы человека и, в силу того, — перехода к “постчеловеческой” фазе истории»³.

Все это делает фигуру Хаксли уникальной даже среди множества столь разных, но и во многом похожих выдающихся интеллектуалов двадцатого века. Несомненно, такой мыслитель заслуживает самого внимательного исследования. Неудивительно, что за последние 18 лет сложилось международное научное сообщество специалистов по творчеству Хаксли и его эпохе (Aldous Huxley Society), возникшее по инициативе англичан Мюнстерского университета (Германия). В основном усилиями профессора Бернфрида Нугеля, президента Общества, собрана обширная постоянно пополняющаяся библиотека и осуществляются научные издания, публикуемые издательством LIT Verlag: журнал *Aldous Huxley Annual* (далее — АНА)

² *Fukuyama F. Our Posthuman Future: Consequences of the Biotechnology Revolution. New York: Farrar, Straus and Giroux, 2002.*

³ *Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции. М.: АСТ, ЛЮКС / Пер. с англ. М. Б. Левина, 2004. С. 7.*

и книги из серии «Возможности человека: труды об Олдосе Хаксли и современной ему культуре» (*Human Potentialities: Studies in Aldous Huxley & Contemporary Culture*). Состоялись шесть международных симпозиумов, посвященных Хаксли, его эпохе, современным прочтениям его текстов, их влиянию на мировую культуру. Ценность *Aldous Huxley Annual* состоит кроме всего прочего в том, что данный журнал вводит в научный оборот ранее не издававшиеся тексты Хаксли, в основном его журнальные публикации. Они неизменно снабжаются подробным текстологическим и источниковедческим комментарием. В целом, АНА в совокупности с материалами шести симпозиумов, дают исчерпывающее представление о горизонтах хакслеведения — о том, в какие стороны направлены интересы и амбиции критиков, занимающихся этим автором⁴.

Центральным сюжетом настоящей книги является утопический роман «Дивный новый мир», который стал переломным в творчестве Олдоса Хаксли, т. к. несколько не похож на его прежние рассказы и романы «Желтый кром» (*Crome Yellow*, 1921), «Шутовской хоровод» (*Antique Hay*, 1923), «Те сухие листья» (*Those Barren Leaves*, 1924) и «Контрапункт» (*Point Counter Point*, 1927). «Дивный новый мир» давно озадачивал меня своей двусмысленностью. Прежде всего, я стремилась решить вопрос о том, в самом ли деле этот роман является безоговорочно антиутопическим. Именно так квалифицируют это произведение большинство критиков и авторов учебников. Стремясь найти объяснения своим «колебаниям», неизменно возникавшим при каждой попытке осмыслить это произведение, я решила определить в самом тексте «внутренние напряжения» и разрешить загадки доступными литературоведческим способами. Как пишет Жан Старобинский, сложность процесса реконструкции смыслов определяется следующим: «Трудно разделить в произведении то, что делает его фактом своего времени, приемлющим и проявляющим ценности этого времени, и то, что несет в себе критику (в смысле

⁴ См., например, доклады Мюнстерского симпозиума: *Now More Than Ever: [Proceedings of the Aldous Huxley Centenary Symposium]*. Muenster, 1994 / Ed. Berfried Nugel. Frankfurt am Main; Berlin: Peter Lang, 1995, а также: *Aldous Huxley, Man of Letters: Thinker, Critic and Artist. Proceedings of the Third International Aldous Huxley Symposium*. Riga 2004 / Ed. Bernfried Nugel, Uwe Rasch and Gerhard Wagner. Berlin: LIT Verlag, 2007.

отрицания) тех же самых ценностей. Произведения литературы, сознательно или бессознательно со стороны их авторов, бывают не лишены противоречий»⁵.

Весьма продуктивен и следующий тезис Старобинского: *внешнее окружение* писателя состоит из всего, что произведение преодолевает, и всего того, что преодолевает его. *Внешние напряжения* улавливаются критиком, если критик соотносит произведение и с его психическими истоками, и с окружающей средой. «При этом основные указания приходят по большей части не извне — их можно найти в самом произведении, надо только уметь их вычитывать»⁶. Я ставил задачу уловить, «вычитать» подобные «указания» в произведениях Хаксли, непременно соотнося их с соответствующими психобиографическими факторами (в том числе с травмами, болезнями и фобиями), с экстралитературными, в том числе научными, событиями. К последним относятся: знакомство Олдоса Хаксли с классическими трудами в разных областях и с новейшими на тот момент художественными и научными публикациями, встречи с их авторами, участие в научных конференциях, семинарах, его работа в исследовательских центрах и лабораториях.

Одной из важных задач мне представляется описание разнообразных исторических, политических, антропологических и естественно-научных идей, которые легли в основу построения Мирового Государства, а также двух других миров, изображенных в «Обезьяне и сущности» и «Острове». Без подобных раскопок исследователь обречен домысливать авторский замысел, наполняя его произвольными смыслами. При беспристрастном рассмотрении эти три текста демонстрируют довольно редкий в большой литературе случай, когда «что» важнее «как» — конкретное наполнение идеями гораздо значительней его выражения. Именно в такой связи мной проанализированы многочисленные научные гипотезы и теории, в той или иной мере ассимилированные (принятые или отвергнутые) писателем. Разумеется, наибольшую объективность может обеспечить подробное рассмотрение «круга чтения» Олдоса Хаксли, т. к. в идеале для понимания феномена этого автора надо знать все, что знал он.

⁵ Старобинский Ж. Поэзия и знание: История литературы и культуры. Т. 1 М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 41.

⁶ Там же. С. 12.

Очевидно, что писатель вовсе не случайно сделал акцент именно на таких сферах утопического конструирования, как медицина, психология и социобиология. Они, как показали, в частности, исследования Мишеля Фуко, изначально идеологизированы и обладают охранительной функцией, т. е. направлены на достижение порядка и сохранения определенной статусности. Именно такие интенции характерны для любого утопического строительства. Как демонстрирует М. Фуко, идеология не исключает научности, точно так же, как наука не исключает идеологичности⁷. Этот тезис полностью подтверждается текстами Олдоса Хаксли, который одним из первых разглядел идеологическое содержание психологии и биологии — на первый взгляд, далеких от идеологии областей.

Именно О. Хаксли ввел в сферу публичного обсуждения комплекс морально-этических, социальных и медицинских проблем, вставших перед общественным сознанием вследствие научных открытий. Писатель не сомневался, что темы, непосредственным образом затрагивающие саму биологическую природу человека и целостность человеческой личности, должны обсуждаться повсюду, а не только в научных кругах. Он одним из первых заговорил о том, что медицина и психология, не учитывающие духовное измерение личности, примитивны, ибо ложно истолковывают человеческую природу. Позднее такая точка зрения легла в основу биоэтики. Блестящие сочинения Олдоса Хаксли на биоэтические темы уже сами по себе гарантируют ему достойное место в истории культуры. Актуальность того, о чем О. Хаксли говорил еще полстолетия назад, несомненна, ибо вокруг современной медицины и психологии все чаще возникают споры о свободе и достоинстве пациента. В самом деле, в биомедицинской практике человек выступает как субъект, на благо которого, якобы, направлены все достижения науки. Между тем, как известно, нередко этот самый субъект редуцируется до уровня «биологического материала», по существу становясь объектом манипуляций. Возьмем в качестве примера дискуссии о современном статусе эмбриона/индивидуума, об угрозе человеческому

⁷ Анализ этой корреляции посвящены книги М. Фуко, в частности: Фуко М. Слова и вещи: археология гуманитарных наук / Пер. с фр. М. Б. Раковой, А. Ю. Серебрянниковой. СПб.: А-сacд: Талисман, 1994.

ВВЕДЕНИЕ

достоинству, постоянно возникающей из-за злоупотреблений новейшими технологиями.

Сферы культуры, выбранные мной для анализа, были подсказаны самим Олдосом Хаксли, точнее, избранной им самой стратегией утопизации, которой, на мой взгляд, подчинено большинство его художественных и критических текстов с середины 1920-х гг. Каждая такая «территория», рассматриваемая мной, соотнесена с определенной сферой утопизации и охватывает как дискурсы, которые в дальнейшем легли в основу науки, так и дискурсы, оставшиеся на ее периферии. Те научные области, к анализу которых я прибегаю в этой книге, нельзя считать *достаточными условиями* для возникновения замыслов и самих текстов Хаксли. Однако осмысление их писателем явилось *необходимым условием* осуществления его творческих интенций. Произведения Хаксли отсылают нас не только к непосредственному *историческому и биографическому* контексту, но и к тем явным и подспудным процессам, что происходили в современной писателю науке. Их невозможно игнорировать, как невозможно не замечать факты писательской биографии, те личные трагедии и исторические драмы, которые ему довелось пережить.

«Дивный новый мир», в отличие от гораздо более радикального и однонаправленного романа Джорджа Оруэлла «1984», это концентрированное выражение духа модерности, логичное художественное подведение итогов проекта Просвещения. Хаксли, казалось, не упустил ни одну модную тенденцию в общественной жизни 1920-х гг. Стрелы его остроумия были направлены на все подряд: он высмеял моду на естественность, в том виде, как ее понимал его друг Д. Г. Лоуренс, моду на Фрейда, на Маркса и Энгельса, на Троцкого и революцию. В романе отразилось и всеобщее увлечение спортом и танцами, погоня за массовыми товарами и массовыми развлечениями, советские пятилетки, Павлов, Голливуд и джаз. Он ловко жонглирует именами: особенно смешной, должно быть, представлялась религия Дивного нового мира, в которой Форд с его конвейерами соединен и окончательно переплетен с Фрейдом. Результатом стал сплав воплощенной Американской мечты и «успешного психоанализа масс». Многое в романе, что называется, лежит на поверхности. Но многое требует извлечения на свет.

Одна из задач, встающих как перед читателем, так и перед критиком «Дивного нового мира», — это определение жанра, что предполагает обозначение круга терминов для разговора о сути утопии и связанных с ней тем и сфер культуры. В рассуждениях о романе Хаксли нельзя не предусмотреть диахроническую и синхроническую перспективу: мы непременно должны учитывать предшествовавшие этому тексту литературные утопии и главные утопические проекты, а также ту литературную ситуацию, которая имеет непосредственное отношение к созданию данной утопии.

Часть возникающих вопросов может быть разрешена путем реального комментирования, т. е. разъяснения исторических, фактографических и биографических источников⁸. Трудность, однако, состоит в том, что чем разнообразнее процедуры реконструкции истории замысла, а также реальных обстоятельств авторской работы над романом, тем более противоречивой представляется окончательная картина, тем загадочнее прагматика этого произведения. Как никакой другой текст Хаксли (и как никакая другая утопия или антиутопия), «Дивный новый мир» озадачивает как своей двусмысленностью, так и жанровой двойственностью. Чем же объясняется когнитивный диссонанс, возникающий при чтении этого романа, который квалифицируется одними как утопия, другими как антиутопия, а третьими как дистопия?

В ходе пристального чтения «Дивного нового мира» возникает немало вопросов. Прежде всего, действительно ли Новый мир столь безоговорочно отвратителен и бесчеловечен? Ведь агрессия и войны полностью искоренены, 99 % живущих в Новом мире людей счастливы. В Мировом Государстве одержана победа над болью. Все потребности граждан, эксплицированные в романе, удовлетворены. Жители Мирового Государства, по крайней мере те, что принадлежат к кастам

⁸ Две лучшие книги о романе «Дивный новый мир» написаны Робертом Бейкером (*Brave New World: History, Science, and Dystopia*, 1990) и Питером Ферчоу (*The End of Utopia: Aldous Huxley's Brave New World*, 1984). Со времени их публикации прошло немало лет. Несколько десятков ученых, в основном входящих в круг Aldous Huxley Society, проделали большую работу как по углублению знаний о романе, о его претекстах и контекстах, так и по расширению тех сфер междисциплинарных штудий — биоэтики, экологии, истории, искусствоведения, теории литературы, музыкальной критики и образования, — которые являлись предметом живейшего интереса Олдоса Хаксли.

ВВЕДЕНИЕ

«альфа» и «бета», выглядят молодыми, привлекательными и модными, т. е., по современным критериям, «гламурными». Следует ли считать индейскую резервацию, изображенную в романе, полновесной антитезой новомирской цивилизации? И, наконец, разве клонирование людей не есть благоразумное применение достижений генетики во благо всего человечества — ведь эта технология лежит в основе плановой экономики, тем самым выступая гарантией предотвращения кризисов и революций?

Есть и другие вопросы. Например, так ли последовательны и искренни сатирические нападки О. Хаксли на науку и технику? Действительно ли идея «мирового государства» казалась ему столь отвратительной? Разве цель достижения устойчивого «мира во всем мире» не оправдывает средства? В самом ли деле Олдос Хаксли считал результаты «неопавловского», бихевиористского воспитания безоговорочно негативными? Правда ли, что идея контроля над качеством и количеством человеческой популяции представлялась ему столь безнравственной? Каким на самом деле было отношение писателя к психофармакологическим способам воздействия на сознание, т. е. считал ли он применение наркотика «сома» излишним и безнравственным? Следует ли читателю воспринимать сатирическое изображение фрейдовских схем в «Дивном новом мире» не критически, т. е. как надежное свидетельство резко отрицательного отношения О. Хаксли к Фрейду и фрейдизму? Как видим, очевидные и подспудные вопросы просто-напросто не могут быть оставлены без ответа, ибо единая картина созданного писателем художественного мира является непротиворечивой лишь на первый взгляд.

Эта книга — продолжение и своеобразный итог размышлений и изысканий, целью которых было ответить на вопросы, занимавшие меня в течение десяти лет, со времени публикации монографии «Наука и литература: археология научного знания Олдоса Хаксли» (2008). Она адресована не только профессиональным филологам, историкам науки и культуры XX в. Надеюсь, что мои комментарии позволят и широкому читателю по-новому взглянуть на три романа Хаксли об альтернативных мирах.